

Станислав Сметана

Окна

Станислав Сметана

Окна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11279690

ISBN 978-5-4474-1523-5

Аннотация

Часто к нам приходит осознание того, что внутри нашей сущности скрыт порой более сложный мир, чем тот внешний, исследователями которого мы являемся ежедневно. Сперва мы можем чётко очертить границы внутреннего мира, определить наше место во внешнем. Чем глубже мы в себя погружаемся, тем эти границы становятся эфемернее. Мы начинаем что-то вспоминать, путать реальность с вымышленным. Потом мы сомневаемся в собственном существовании.

Мы хотим стать понятнее, вернуться в прошлое и переделать его.

Содержание

Красный цвет	5
Пролог	7
Из Дневника. Часть 1	15
Поезд. Эпизод 1	31
Из Дневника. Часть 2	39
Поезд. Эпизод 2	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Окна

Станислав Сметана

© Станислав Сметана, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Красный цвет

Этим цветом горят окна на двадцать шестом этаже дома во Втором Сетуньском проезде. Этот этаж не видно с земли, его нет в градостроительных документах, но красный цвет именно оттуда родом. Кажется, что Цвет исходит не от самих окон, а от штор за окнами. На самом деле, шторы здесь ни при чем. Цвет идет от четырёх красных абажуров напольных ламп, стоящих по периметру комнаты.

Красный мир. Здесь сконцентрирован уют. Но пол, покрытый ворсом, холоден. По нему гуляют сквозняки. Всё из-за незапертой двери на лестничную клетку. Всё из-за письма, которое не отправлено. Красный мир нам пока разрешено видеть только снаружи, но именно снаружи он настоящий и красивый. Если мы попытаемся разгадывать его, он уведёт нас по ложным адресам. Он уведёт нас сперва к дому-призраку на востоке Москвы, а затем к оврагу, заканчивающемуся озером, на севере. Не нужно знать, почему он такой, когда можно принять его таким, как есть, и насладиться им. Это наслаждение безмолвия, но со звуками. Человек, живущий в красном свете, говорит мало. Этот человек пытается делать добро, но приносит лишь несчастья.

Иногда из открытой форточки слышна фортепианная музыка, грустная музыка. Но нам не хватает терпения дослушать её. Мы смотрим вниз на звёзды. И падаем туда вско-

ре. Но не разбиваемся. В красном мире смерти нет. Есть ли жизнь – из-за штор снаружи невозможно ничего разглядеть. Но там что-то происходит, ведь кто-то уже открыл дверь на лестничную клетку, опрокинув керосинку. На столе разложены фотографии. На фотографиях солнце висит низко-низко над горизонтом – рассвет? Закат?

Пролог

Сложно вспомнить, когда именно это началось. С чего именно. Наверное, это был ноябрь, ноябрь прошлого года. Он выдался на удивление тёплым, как и вся осень, кое-где ещё золотилась листва, туманы по утрам и всё, что обычно вводит в состояние отрешённого московского транса. Наверное, именно тогда начались плохие времена. Они начались в моей голове, в первую очередь, и теперь очевидно, что выхода уже не стало, что эти процессы необратимы. Это было начало воплощения в старый заржавелый хлам, который проще списать, чем реанимировать.

Это осознание конца своего мира пришло так внезапно и стало новой захватившей меня идеей. Медитативное, гипнотическое обаяние упадка и тлена, завершившего мою бес триумфальную жизнь. Жизнь, состоявшую на восемьдесят процентов из интереса к жизни, как человек в молодости состоит на восемьдесят процентов из воды. Знаете, что такое старость? Утрата влажности. Воды становится семьдесят процентов – и это необратимо превращает тебя в человеческую ветошь. Что-то ушло. Что-то совсем незначительное. С тех пор мне стало безразлично, что будет, и я осознал, что скоро завершу своё земное пребывание. Не стало радости, которую я обычно проецировал, не стало желания менять обстоятельства, которые пришли ко мне в гости безлимит-

ными квартирантами, которые не спрашивали моего разрешения, и стали двигать мебель моей жизненной структуры и ценностей, как им заблагорассудилось.

Я помню начало психологической смерти. Это был ноябрь, тёплый ноябрь с жёлтыми листьями, лужами и туманами по утрам. В этих туманах выплывающий обычный прохожий на расстоянии ста метров казался загадкой и притягивал всё мое внимание. На расстоянии пятидесяти метров уже становилось очевидно, что это самый заурядный человек, скорее, даже не личность, а обыватель, но ещё теплилась надежда. На расстоянии десяти метров я уже смотрел не то в небо, не то в асфальт, понимая, что ловить тут нечего, акцентируясь на панели управления своей коляской с автоматическим маршрутизатором EasyGo200, прокладывающим путь, который можно преодолеть на инвалидной коляске без посторонней помощи. Учитывая специфику Москвы, почти полное отсутствие удобства передвижения инвалидов на улицах и в транспорте, иногда маршрутизатор прокладывал немислимые десятикилометровые маршруты до соседней пекарни, куда после вынужденного «локального» образа жизни я так любил утром заехать за выпечкой.

Меня даже психологически не подкосила августовская вынужденная ампутация правой ноги. В какой-то степени меня развлекло то, что люди, даже приятели, смотрели на меня с чувством жалости, хотя и уверяли, что жалости никакой не испытывают. Мне по-прежнему доставляло удоволь-

ствии придумывать новые легенды поведения окружающих, копаться в причинах проявляемых ими эмоций, замечать перемену в их отношении, типа, это уже безнадёжный человек, особо общаться с ним невыгодно, но надо же проявить уважение. Словом, тогда, пересев в коляску, я просто снова менял эмоции от жизни – старое исчезло, новое появилось. Перевод меня на домашнюю аналитическую работу тоже посеял в моей голове радость – я подумал, что теперь у меня будет больше времени на творческие моменты, что я стану на шаг ближе к собственным шедеврам, так сказать. Постоянная ненормированность рабочего дня, подстраивание под график клиентов. Бесконечное мотание по одним и тем же объектам. Повторение по сто раз заученных легенд объекта. Сканирование потенциальных потребностей клиента (это только кажется, что каждый человек уникален – шаблоны восприятия в таком деле, как продажа элитного загородного жилья действуют, и ещё как!). Вся эта нуднейшая и утомительная рутина подводила меня к мысли, что «доходную сферу» жизни нужно менять, т. к. она идёт в разрез «расходной», более приоритетной для меня.

Безусловно, у меня всегда были черные ямы настроения, даже в период моей физической полноценности, наверное, в период полноценности их было и поболее. И в этом смысле августовские события, мой переход к сидяче-лежащему образу жизни не был исключением. Была доля мрака, но это было нормой, ничего экстраординарного. А экстраординар-

ность случилась спустя три месяца.

Я просто не мог и далее улыбаться себе, создавать себе настроение, видеть смысл в деятельности и бездеятельности. Я просто устал придумывать себя, своё отношение к миру. Я просто сломался, как старый будильник. Обстоятельства моего внутреннего мира, как отклик внешних обстоятельств, настолько стали различаться с моими идеалами, с моими представлениями о комфортной жизни, что эта большая стена просто рухнула на меня всем своим каменным весом. Это произошло в день после тумана. Как сейчас перед глазами, моими заплаканными глазами, та ночь. Собственное отражение, отражение моей двухкомнатной квартиры на четвёртом этаже в Большом Левшинском переулке.

Теперь я сижу на подоконнике, пью дешёвую водку с апельсиновым соком из пакета, курю сигарету «Проект 307» и понимаю, что всё. Чёрная молния спустилась с весеннего ночного неба (сейчас март) и заполонила это место. Заполнила эту засранную, но всё ещё с претензией на уют, квартиру – мой дом, всё, что у меня осталось в этом мире, в который я несколько дней назад вернулся «начинать всё с начала». Пыль, застой и куча неоплаченных квитанций не могли испортить ощущения, что я снова дома, что моя душа и мой разум дома. Но это «дома» оказалось недолгим, и уж точно недостаточным, чтобы «всё с начала». И как только я принял эту молнию с неба, я смирился. Смирился в последний раз в земной жизни. Принял эти новые правила как необходи-

мость и необратимость.

Я написал электронное письмо знакомой: «Дорогая Клавдия Ивановна! Теперь я увидел Предел Терпения. Завтра я приеду к Тебе умирать. В котором часу Ты сможешь принять меня? Навеки Твой, Никита».

Я задернул шторы, сполз на ковёр из некогда белого искусственного снежного барса, нечаянно опрокинув стакан с пойлом, и стал делать гимнастику. Сперва покрутил руками и ногой по и против часовой стрелки, повращал головой, просунув ногу под батарею, сделал тридцать подъёмов туловища для пресса, затем перевернулся, тридцать отжиманий на кулаках. Затем постоял минуту на голове, выгнулся колесом, потом что-то ещё сделал и снова закурил. Стянул ноутбук с подоконника, открыл ЖЖ и удалил свой профайл – негоже быть мёртвым и в тот же момент читаемым кем-то, улыбающимся старинными фотографиями. На почтовых ящиках я установил бессрочный автореплай на тему моего отъезда на неопределённое время в Бутан, место моей мечты, где я побывал в январе (я там так и не побывал, но ранее на всех углах декламировал, что именно в январе туда собираюсь).

Вообще, у меня ранее была замечательная привычка – первую пришедшую в голову идею считать идей-фикс и ставить её в очередь на исполнение в органайзер с определённой датой. Потом мне ничего не оставалось делать, кроме как выполнять намеченное! Это, кстати, абсолютно убеждало моих

знакомых, что жизнь моя достаточно разнообразна, насыщена и прочее. На самом деле во мне жил какой-то робот, который просто исправно выполнял самим же придуманные инструкции (План жизни), не спрашивая уже себя, актуальны они или нет, а все альтернативы были ничуть не альтернативами, а просто так же заносились в очередь. Даже после потери ноги мало что в распорядке изменилось, просто приходилось больше внимания уделять оргвопросам (скажем, чтобы моё состояние не помешало запланированным путешествиям – уточнение возможности посещения запланированных мест, смена отелей – и прочим мероприятиям). Отказаться пришлось, пожалуй, только от прыжков с парашютом и отменить декабрьские горные лыжи – впрочем, в декабре планы собственного органайзера меня уже совсем не заботили, я уже жил на улицах и не сиял, как прежде. Я только успевал удивляться, как же много и детально всё распланировано на год вперёд и каждый день удалял мечты прошлого, не воплотившиеся в реальность.

После этого я наполнил ванну, залил туда розового масла, зажёл свечи, очень стильные свечи необыкновенной цветовой гаммы, которые не успели догореть во время моего последнего дня рождения. Собственно, тот день рождения – это отдельная тема, это тема моей последней светлой любви, как обычно у меня бывает, сразу к нескольким людям. Именно они втроем и присутствовали тогда.

Понятие любви для меня было всегда чем-то эфемерным,

полукосмическим. Это никогда не был объект, это было облако, в котором оказывались люди, предметы, флора и фауна, слова и мысли, взгляды, транспортные потоки, силуэты зданий, старые автопокрышки. Это всё как бы обволакивало каких-то красивых людей, людей, имеющих ярко выраженные отличительные признаки внутреннего мировосприятия. Это чувство возникало как будто бы на пустом месте, как правило внезапно и в самый неподходящий момент. Была ли возможность от этих чувств отказаться? Да. Но поскольку этот ресурс доставался мне практически всегда незаслуженно, только стоило оказаться в нужное время в нужном месте, как я сразу его включал в список приоритетов ближайшего периода. То есть, все планы несколько трансформировались в связи с приобретением. Конечно, это вовсе не означало даже того, что приобретение в курсе не то чтобы моих планов, но и существования меня хотя бы, трансформировалось скорее отношение к процессу проживания жизни, если туда проникали вот такие обстоятельства. Да мне, признаться, никогда очень сильно и не нужна была взаимность. Пожалуй, наоборот, люди, которым я нравился больше, нежели «лёгкая симпатия», быстренько так начинали вызывать обратный отталкивающий рефлекс, и их присутствия рядом уже очевидно не хотелось. Как бы даже наоборот, если я находился в состоянии влюблённости, мне не менее важно, чем раньше, было не находиться с объектом чувств поблизости. Тогда он портил сказку какой-нибудь репликой, каким-то взглядом на

вещи, который я не приписывал субъекту и, соответственно, был не тем, в которого я влюбился. Редкие чувства сумели продержаться дольше, чем одну неделю. И уж, пожалуй, можно вспомнить лишь три случая, когда это всё длилось несколько месяцев. В последний раз это было менее года назад...

Из Дневника. Часть 1

19-е апреля, 03:57

Приехал домой. На самом деле ощущение такое, что прилетел. Остановил такси на Крымском мосту, вскарабкался на парапет и долго стоял под проливным дождём. Сегодня была первая гроза. Она и сейчас за окном, заканчивается уже.

Вечером встретились с Лёшей за ужином в «Алой Розе». Это мы отрекомендовали им заменить прежние вельветовые диваны с металлическими вставками, о которых я пару раз царапал руку, на ярко красные объёмные кожаные кресла. Они как бы специально были недонабиты, и хотелось их распороть и запахать внутрь какой-нибудь матрац. Нельзя, чтобы вещь была стопроцентно комфортна – тогда она не запомнится. А вот восьмидесятипроцентная комфортность в самый раз.

Лёша принес с собой две баночки мыльных пузырей, и мы их сперва втихоря, а потом не таясь пускали, загадив соседние столы. В результате хозяин ресторана нам сделал строгий выговор и обязал меня в течение года снабжать его средством для полировки стекла. Тут я предложил, как и раньше, отработать на кухне.

Где-то около года назад, через месяц после открытия, мне долго не несли что-то там из еды. Помню, тогда я пришёл сю-

да с Эдельвейс, своей кошкой неизвестной породы (я подобрал её на улице уже взрослой, хотя никогда не любил взрослых кошек). Тактично намекаю пробегающему ресторатору, что время-де не резиновое, а он мне в ответ жалуется, что выгнал утром половину персонала, так как проворовались, и теперь один за всех, кухня работает исправно, а вот посуду мыть команда шеф-повара – эфиопа наотрез отказывается. В тот тихий полдень я, разумеется, никуда не торопился, надел фартук и начал заниматься одним из любимейших дел – два часа кряду намывал хрусталь, тарелки и котелки. За сей героический труд я выторговал себе право заходить каждый вечер за едой для кошки. Фабрикатами я её не кормлю, а дома у меня еда, как правило, не употребляется, то помещение, которое числится на плане в домовый книге кухней, давно переделано в ванную.

Собственно говоря, правда ли то, что жильё индивида отражает его личность? Пойдём далее: можно ли, по друзьям человека, по его образу жизни судить о нём самом? И уж совсем усложним: правда ли, что по образу, который он транслирует в окружающую среду, можно судить о нём? Мне всегда казалось, что это совсем не идентичные вещи. Во-первых, есть трансформация личности и опаздывающая за ней часть окружающей среды, связанная с этой личностью. То есть произведённое в прошлом, и даже сегодня, действие уже безнадёжно отстало от впереди идущих потребностей личности. Это как планы на жизнь двадцатилетней давности, да-

же реализовав которые, ощущаешь себя таким ничтожным у разбитого корыта новых ценностей. Мы же, как правило, воспринимаем нового человека, апеллируя к тем интересерам, друзьям, образам, которые человека окружают, и видим, таким образом, лишь его прошлое. Во-вторых, врождённое чувство отрицания побуждает не уподоблять свою жизнь себе, а сделать её антиподом себя. Например, если представить себе свою жизнь «локализовано комфортной», приобрести по квартирке/домику в любимых городах, найти единственно удовлетворяющий способ получения дохода... Не захочется ничего более, кроме достижения снова и снова этого же, только увеличивая количество, а не расширяя новые горизонты. Как говорил кто-то из великих, человек, выросший в сарае, когда богатеет, строит себе большой сарай. Значительная доля дискомфорта побуждает нас искать эти новые горизонты, а потом от них уходить к следующим. Мы знаем чуть-чуть обо всём и ни о чём в частности. И мы каждую секунду чувствуем, *что* мы хотим прожить ещё раз, а *что* можно сложить в мешок прошлого опыта и уйти от хорошего к лучшему, отдав хорошее кому-нибудь. Это симбиоз проектно-иррационального мышления, наверное. Помню, что однажды мне очень понравилось ярко-красное полукресло-полудиван в клубе «Indonesia» в Молочном. Кстати, удивительное место – прямо на проезжей части раз в 10 минут открывается люк, и железная, вся в синем флюорисценте лестница ведёт вниз, к площадке с большим прозрачным

лифтом, сказочно подсвеченным прямо снизу из шахты. А сам холл, кажется, из янтаря. Потом лифт опускает тебя на глубину 56 метров (так написано на панели глубиномера в самом лифте) за 5 секунд всего. Уши закладывает моментально. Кстати, ни в дизайне, ни в кухне ничего индонезийского нет и подавно. Членом клуба я тоже стал совсем случайно, даже не принадлежа к luxury community, просто как-то свёл двух людей, которые всё это и затеяли. Мой вклад в проект, помимо вышеупомянутого, состоял в вопросе по телефону: «Адам, а будет ли у Вас пожарная лестница? Она должна быть обязательно». И она появилась. Точнее существовала всегда, т. к. раньше это было какое-то законсервированное хранилище, куда шла эта самая лестница из тоннеля Сокольнической линии. Так вот, в этом клубе я увидел это кресло, буквально под пытками выяснил у Адама, откуда он его привёз, клятвенно пообещав больше ни в какое заведение не рекомендовать, а исключительно для частных нужд. Уже звоня в мастерскую, не будучи уверенным, на каком языке мне сейчас ответят, я понял, что если у меня будет тот полудиван, я уже никуда из своей конуры не выберусь, и не будет у меня чувства удовлетворения, что я первым занял его в «Indonesia». На следующий день я привёз себе неудобное футуристическое сидение из одной московской студии. Вот что я имел в виду относительно того, что место не должно быть комфортным на 100 %. Комфортной в итоге должна быть жизнь как совокупность мест. Кстати, по

этой же причине я не стал покупать автомобиль, хотя права купил и научился ездить. Зачем он? Как теперь твердит псевдомодная антигламурная аутичная пресса, иметь автомобиль ради цели ежедневно передвигаться на нём, сидя за рулём – это непрактично, некомфортно, по-мещански, и вообще, безнравственно. Водить самому своё тело – как стирать и гладить себе белье, иногда отвлекает, но в целом – бессмысленно.

Ну, так вот, после «Алой Розы» мы как раз и поехали с Лёшей в ту самую «Indonesia», где он хотел меня познакомить с кем-то типа для целей бизнеса. Как того и следовало ожидать, первоначальные цели не имели ничего общего с результатом.

21-е апреля, 04:18

Почему-то хочется процитировать Г. Г. Маркеса, «всё самое лучшее случается неожиданно». В общем, это моё настроение последних дней.

Позавчера в клубе познакомился с Ромой и его спутницей, Алисой. Конечно, они сидели на моём любимом полудиване, так, полубоком друг к другу, коленка к коленке. Такие позитивные добрые лица, глядя на которые, хочется радоваться, что живёшь на этом свете. Было так. Мы с Лёшей выходим из лифта в холл, продувая уши после быстрого спуска. Он долго нудит мне, как всегда, что я опять в дешёвых шмотках, что должен вести себя так-то и так-то, не употреблять выражений «пошло всё в жопу» и «экзистенциальная субстанция» и

вообще, поменьше говорить, не курить и не напиваться, что со мной стыдно выйти в свет (хотя всегда выходит) и прочую чушь. И всё потому, что Рома и Алиса из аристократических семей белогвардейцев, и то, что мне кажется «ого как», для них – норма, а истина где-то рядом, но до истин этих я своим недалёким умом не дойду. Всё это я слушал уже раз сто, причём в такой же последовательности, только вместо Ромы и Алисы были Саша, Катя, Джордж, Салли (а однажды даже не то Севастуриндия, не то Себастинидия, но точно до сих пор не уверен), поэтому благополучно думал о предстоящей поездке и Рим и Флоренцию, где ранее не был.

Лёшей я был представлен как начинающий живописец. С одной стороны, мне польстило то, что меня уже включили в когорту живописцев (ужасно неблагозвучное, в сущности, слово), хотя я и намалевал-то всего три абстрактные картинки с трудозатратами не более часа на каждую. Кроме того, мне абсолютно не нравились картины в классическом понимании этого слова, я никогда не ходил на такие выставки, потому что тоска смертная, и не знал ни одного известного живописца не то что в лицо, а хотя бы по имени. Но даже эти вышеизложенные обстоятельства не дают ему права приписывать меня к категории «начинающий». Начинающий, в моём представлении, – это обучающийся, стремящийся к мастерству, мечтающий пообщаться с гуру по своему направлению. Я же ни к какому мастерству не стремлюсь, мне вся эта мазня вообще не интересна, просто под настроение иногда вдруг

подбивает взять холст и кисти и нарисовать абстракцию. К критике я невосприимчив абсолютно, по-крайней мере, в отношении собственного творчества, так что моя мазня мне представляется априори гениальной, и точка.

Рома с Алисой оказались галеристами, у них была «3D Graphics» на Солянке, я, кажется, слышал что-то о галерее, скорее всего, лавка лавкой. Я быстренько перевёл тему на диваны, не преминув упомянуть, что это я его выбрал и такой же у меня дома (соврал, блин, только хотел такой же), и даже сказал, откуда это, хотя и обещал Адаму молчать. Видимо, мне необходимо было снова воспарить и стать равным после ущербного диагноза «начинающего живописца». У меня было такое странное ощущение, что мне очень нравятся эти люди, но почему-то мне было очень дискомфортно, как не в своей тарелке, я думал, что уже умею общаться со всеми и давно искоренил этот комплекс, но, видимо, нет. После того, как они втроём стали вспоминать какую-то вечеринку и обсуждать кого-то там, меня вообще охватило чувство раздражения и испортилось настроение, так что я ушёл от них, сел за барную стойку и решил слегка напиться. Клуб был практически пуст, ну да – вторник.

Потом я с кем-то знакомился, что-то обсуждал, мы снова пили, я всё рвался на кухню помочь с мытьём посуды, в общем, как всегда. Когда я уже окончательно забыл про галеристов, они вдруг подошли попрощаться и как-то безапелляционно сказали, что завтра заедут за мной в четыре, так как

едут на дачу, дача далеко и очень хотят пообщаться. Адрес мой они уже знают. Это после я стоял под грозой на Крымском мосту.

Вчера в 8—30 меня разбудила клиентка звонком, потребовала, чтобы прямо сейчас мы поехали и посмотрели дом для её друга-финна, приезжающего на месяц по делам. Типа, она хочет купить дом в подарок. Я ей насчёт трёх интересных домов писал и звонил пару месяцев назад, она наконец-то дозрела. Заскочил в офис за ключами, и мы встретились в условленном месте, где я закарabalкался в её драндулет неизвестной модели с облупленными стразами. Она – сама маленькая, и в большой пушистой шубе (на улице было градусов 10 тепла) смотрелась очень смешно, как лиса, выползающая из норы. Зато в машине было прохладно, и я спрoсoнья подзамёрз. Сперва мы поехали в Николо-Черкизово по Пятнице, где дом в 220 квадратных метров был готов к немедленному въезду, а потом просёлочной дорогой (чуть не застряли у какой-то канавы) в Веледниково, где дом был на стали shell&core (голые кирпичные стены внутри) и рабочие ещё месили грязь на месте будущего газона. Она тут же, не входя в дом, сказала, что это не вариант, и больше ей смотреть ничего не хочется, подойдёт первый дом, только она его хочет уже не купить, а снять в аренду на месяц. Чтобы к понедельнику персонал был и всё организовано, плюс трансфер из Шереметьева. Я натянуто улыбался и кивал, понимая, что бонусов мне снова не видать и продажа объекта откла-

дывается. Мне, как человеку занимающемуся в первую очередь продажами была невыгодна аренда, тем более на месяц, т. к. оттягивала возможность продажи, а объектов за мной не так много было закреплено. Теперь придётся подключать отдел аренды, и почти все бонусы они заберут себе, так что в сухом остатке я поднялся ни свет, ни заря лишь с той целью, чтобы слушать радостные переживания дамы относительно отношений с финном. (Которого я, кажется, знал, судя по её описанию.) Всё это дивное щебетание: «А я-то думала, что всё, чувства и эмоции растрочены, что бизнес засосал», – и прочее, в том же духе. Когда мы с этой дамой познакомились на какой-то презентации год назад, она почти то же самое говорила про какого-то англичанина. В общем, люди не меняются, или меняются не так быстро, как хотелось бы. Я позвонил Алисе, узнал, что их дача находится дальше по Новой Риге, и, т. к. в Москву возвращаться смысла не было, предложил захватить меня на шоссе, а сам решил вызвать такси и осмотреть пару домов, которые были на подходе, и которые передавали мне. Оба они находились в населённом пункте под названием Дедово-Талызино. Помимо неприглядного названия деревни, дома были окружены и другими чудесами. Их окна смотрели на мутное болото, загаженное пластиковыми бутылками и битым стеклом, соседствовали они с развалюхами и вообще, не тянули на тот класс, в котором застройщик их позиционировал. Проклинавшая в душе свою контору, которая берётся за любой объект,

не проведя должным образом оценку, а потом пихает всякий неликвид мне (типа, перевыполнил план – значит справишься), я занялся осмотром объектов и окрестностей. Придётся справляться. Завязка, значит, будет на это болото, надо будет подумать над красочной легендой. Заодно его почистить и запустить туда лягушек – вот и для всей деревни доброе дело.

На Новую Ригу я приехал на полчаса раньше и просто бесцельно гулял по полю. В такие моменты меня посещало состояние, которое можно охарактеризовать как «счастливое одиночество с примесью лёгкой ностальгической грусти». Я пошёл по весеннему лугу, который простирался справа от шоссе, солнце улыбалось мне, но не открыто, а сквозь слой тонких перистых облаков. Если глядеть на солнце в облаках, не морщась, приходит такое странное чувство, что что-то не удалось, что – то не так, как могло быть, что-то безвозвратно утеряно. Наверное, это связано с альтернативными вариантами жизни, от которых мы отказываемся каждый день, выбирая, на наш взгляд, более приятный и оптимальный вариант. Я мог бы получить качественное образование и строить карьеру. Мог бы снимать красивое стильное кино. Даже машинистом поезда дальнего следования, о чём мечтал всё детство, мог быть. А что сейчас? Во что превратилась моя жизнь? Я ощущал себя бабочкой на этом лугу, именно здесь и сейчас эта бабочка к месту, красит луг и приятно выглядит. А в глобальном контексте и пользы от неё нет, и раздавить

её очень легко. Бесцельно летящая стареющая бабочка. Как всё это грустно.

И вместе с тем, меня всё устраивает. Я не хочу ничего менять. У меня есть то ценное, чего, кажется, не хватает многим людям, – постоянное состояние внутреннего комфорта. Многие ударяются в религию, изотерику, философию Ошо или что-то там ещё и приходят к этому сложной, долгой, часто трагической дорогой. У меня же это как-то само по себе случилось, я даже пальцем о палец не ударил, не увлекался психологией, практически не занимался целенаправленно самосовершенствованием. Просто люблю себя.

Вместе с тем, не копаясь в деталях, для меня остаются подвешенными многие базовые вопросы, загадки, которые я принимаю, не разгадывая. Например, почему со мной перестают общаться некоторые люди, которые мне интересны? Да, я делаю точно также, но я-то знаю почему именно я так поступаю. Могу привести аргументы по каждому случаю. А про себя я такого не знаю, а многие не хотят говорить в лицо, почему. Территория дискомфорта. Странно, с одной стороны, ни до кого, в сущности, нет дела, а с другой стороны, сколько слёз проплакано про одиночество, когда в твоём телефоне забита уйма номеров, но ты никому не можешь позвонить. И на самом-то деле никого и не хочется видеть. Или расставаться с людьми на пике комфорта, чтобы не потерять это сказочное чувство, пока оно не испорчено эгоистическими порывами, пока есть только восхищение. Это мост из хру-

стальных иллюзий, настолько сказочный, что я фотографирую его, но ни шага по нему не сделаю, чтобы не оставить там грязный след своего ботинка. И потом я буду бесконечно вспоминать его, корить себя, что не остался там, ведь это бывает, возможно, раз в жизни, до тех пор, пока не встречу новый мост, более величественный и прекрасный. Конечно, это факт – если бы я остался тогда там, я бы не продвинулся дальше к новому мосту. С другой стороны, критерий «продвинуться дальше» – это настолько неопределённо. И когда целей нет, непонятно, по каким ориентирам считать, что это продвижение, а не массовка типовых мостов. А во-вторых, дальше ведь может просто другого моста не оказаться. Хотя пока я доверялся своим ощущениям, и на самом-то деле я уверен, что окружающий меня мир с каждым днём становится лучше. А ставить всё под сомнение – это здоровое отношение разума, некий его контроль над чувствами, что говорит о гармонии личности. То есть личность живая, и в то же время действует осознанно, в рамках этики и уважения к жизни как таковой. Таким я себя ощущаю.

Тут между молодой поросли я увидел ровный прямоугольник бумаги, ну да, визитка. «КЛУБ МОЛЧАЩИХ ЛЮДЕЙ», там было написано, и адрес курсивом в правом нижнем углу: Союзный проспект, 86, кв. 134. Я огляделся по сторонам, как шпион, положил визитку в кейс и привычно забил в органайзер через неделю напоминалку о том, что хочу расшифровки, так как меня это заинтересовало.

22-е апреля, 02:32

Никак не успеваю за событиями. Вчера, пока писал дневник, вырубился прямо за ноутбуком на полу. Пишу затем, что есть идея как-нибудь опубликовать его. Интересно, найдутся ли покупатели на эту чушь. В сущности, какое мне до этого дело.

Сегодня снова в полдевятого меня разбудила та же клиентка, сказала, что всё отменяется, и финн её остановится в гостинице. Скряга! Я уже настолько привык к этому геморрою, что у меня даже злость больше не вырабатывается. Несмотря на то, что уже организовали службу и понесли издержки. Не я, а наш отдел аренды, хе-хе. Это радует, поменьше будут на чужом горбу выезжать. А мне босс влечет выговор, что не снял предоплату. Рабочий процесс. Хотя у меня отличное чутьё на клиентов, и я знаю, что этой дамочке я рано или поздно сбегрю какой-нибудь сарайчик, хотя бы один из тех, смотрящих на болото. У меня уже даже возникла идея, как я оформлю гараж. А ещё напротив гаража, вдоль болотца, я натяну просвечивающийся материал-перетяжку, куда проектор будет бросать несколько изображений: её машины с ещё новенькими, не отвалившимися, как теперь, стразами, кружащейся на подиуме, а также видео из Китая, когда она мне подарила диск, сказала, что это лучшее, что она сняла за свою жизнь. Там такие холмы, а меж ними вода. Правда, красиво, не знаю, что это за провин-

ция. Экран, квакающие лягушки, орхидеи в гараже, и первая озвученная сумма кочует в карман нашей лавки, мне потом выдают трепетно в чёрную пухлый конверт, и дают под реализацию новый недострой у чёрта на рогах с видом на шиномонтаж и сомнительным социальным окружением.

Итак, я остановился в позавчера. В пол-пятого меня подобрали на Новой Риге, и ещё час мы ехали до села Ильинского, где-то под Волоколамском. Рома, Алиса и ещё один человек там был – Кирилл. «Чувство луга», описанное вчера, буду называть его так, не покидало меня. То есть я был рад, что нахожусь с ними, без сомнения, красивыми, интересными, магнетически притягательными людьми, но я всё равно как будто летел над машиной, купался в потоках призрачного весеннего солнца, махал раскрытыми руками и видел внизу трёх живых людей и своё безжизненное тело, просто посаженое на заднее сидение, как скульптура, которой всё равно, куда её везут, и что с ней будет.

Да, я хотел бы отметить, что мы ехали почти молча. Каждый в своих мыслях. Это так необычайно комфортно – когда незнакомые люди умеют молчать. Мы были как четыре шарика, которые вместе катятся каждый в своём желобе по крыше, покрытой шифером, но не имеют физической возможности, да и какого-либо желания соприкоснуться. У них одна траектория – вниз, но у каждого свой желоб. Я уже почти понимал, что люблю этих троих людей, да, я придумал себе такую странную любовь, ещё когда только сядил в ма-

шину, разум кинул спасительный круг чувствам, уводя их от длительного одиночества, и чувства ухватились за эту чужую идею, потому как не умеют генерировать свои, а эта досталась бесплатно. Хотя чувства сами, казалось бы, привели разум к осознанию необходимости такого действия. Вот такой симбиоз. И не хотелось мне ни капли узнавать этих людей, чем они живут, что для них счастье, не хотелось копаться в их прошлом грязном белье, не важно было даже их будущее. Было только здесь и сейчас.

Сам дом мне, к слову, не очень-то запомнился. На самом деле, я просто не люблю описывать места и людей, поэтому пропустим. Помню только, что мы пили брют, капали туда какой-то цветочный персидский нектар и прыгали голыми в бассейн. Потом лежали в огромной кровати вчетвером, соприкасаясь кинестетически телами, если виноград (испорчу романтику: с винограда меня всегда пучит, вот и тогда этот фактор смазывал идеальную картину, но это неважно) и смотрели какую-то полуторачасовую видеоинсталляцию made by Kirill на огромном экране. Там и уснули.

Утром я проснулся часов в шесть, нарисовал на листе А4 лежащим рядом маркером цветов, написал «Хорошего дня!», вызвал такси, сварил себе кофе внизу и уехал в Москву, никого не разбудив.

24-е апреля, 17:30

Сегодня я сидел в кресле, работал в Интернете, никого

не трогал, и тут вдруг слышу грохот из второй комнаты. Заглядываю туда – моя огромная керамическая ваза, не помню уже, откуда привезённая, валяется, расколотая на части, на полу. Пытаюсь приписать причину падения Эдельвейс, но её нет здесь, и не было – она же спала на соседнем со мной кресле, точно.

«Когда он прячется в Белом окне, что-то разбивается вдребезги». Это фраза вдруг всплыла из глубин подсознания. Интересно, откуда я знаю её.

Поезд. Эпизод 1

Это был некий новый мир, в котором он очутился. Это мир исследователя, сцепленный долями истины, мистики, романтики и воспоминаний. Это всё, что угодно, но не настоящее. Это уже было, а возможно, всего лишь будет. Здесь мы будем встречать знакомых людей, но это не означает, что мы уверены, что они знают об этом мире. Этот ребус – уже значительно больше, чем сон, но ещё не место, куда следует стремиться. Это поиск. Поиск вопросов на имеющиеся ответы. И увязка этих вопросов между собой.

Снаружи этого мира постоянно меняются пейзажи, но ничего не видно, потому как этот шаг проходит за одну ночь. До рассвета очень много времени, но наше время постоянно крадут у нас: само время поедает себя, когда мы бесцельно смотрим на проплывающие огни, или обстоятельства, материализуясь в призраков и побуждая нас думать о несуществующем, или неактуальном для настоящего момента.

Но когда мир полностью останавливается – время теряет свой магнетизм, теряют свою значимость и прошлое, и будущее. Остаётся «суть момента». Туда этот поезд и движется.

...Сначала он открыл глаза и попытался оглядеться. Вокруг было довольно уютное купе – вернее, купе скорее походило на салон, вытянутый в длину всего вагона. Мягкие тём-

но-синие кресла располагались попарно вдоль стены, проход был слева, вдоль классических поездных окон с бюджетными занавесочками, которые при движении воздуха внутри салона несколько подёргивались. Он решил, что за окном вечер. В принципе, это могло бы быть и сумеречное утро, но он представил, что это был вечер, и это стал вечер на самом деле.

Ещё не оглядываясь назад, полулежа во втором ряду сдвоенных сидений, он ощутил, что был здесь один. Обернулся. Примерно двенадцать-тринадцать рядов кресел и занавеска, традиционная чуланная занавеска из плотного материала, которая закрывала следующую секцию или что-то ещё. Она тоже чуть-чуть колыхалась, скорее не от внутреннего движения воздуха, а оттого, что поезд раскачивался. Справа от первого ряда сидений были такие же портьеры, уходящие, соответственно, в помещение справа. Планировка была несколько необычна для вагона поезда, но тогда, да и потом тоже, его это не особенно занимало.

Он поднялся. Ощущение было такое, что он выспался, но это не ощущение «выспался и сейчас утро», а «выспался и сейчас вечер». Он был уверен, что человек, живущий ночью, а спящий днём, при пробуждении испытывает более приятные ощущения. Это ощущение спокойствия и неторопливости, даже какого-то воспарения над миром. Однако важно проснуться самому, а не по будильнику или под другие звуки. Для такого пробуждения необходима либо полнейшая

тишина, либо монотонные звуки (стук колес соответствовал этой цели как нельзя лучше). Он проснулся сам. На часах было 19:28, 28-е сентября, вторник.

Отодвинув занавеску на ближайшем окне, он взгляделся в заоконный смутный сумрак. Какие-то деревья, луга, в отдалении леса – типичные пейзажи центральной России. Он вспоминал, что когда-то в далёком детстве, когда родители впервые взяли его с собой в турне по Европе, он ожидал, что там должны быть чуть ли не пальмы, ну уж если не пальмы, то какие-то другие необычные деревья. Нет, сплошь такие же сосны и берёзы, тогда аж тоскливо стало. Так что он мог быть где угодно, просто чёрт знает где, но представил, что находится километрах в 200–300 к югу от Москвы. Поезд продолжал движение со скоростью 90—100 км/ч. Огней не наблюдалось. Ему было комфортно и спокойно. Ему было очень хорошо в одиночестве. Одиночество – это не существование в изоляции. Одиночество – это когда никто от тебя ничего не ждёт. И ты ничего не ждёшь от мира. Это состояние идеального баланса.

Подняв глаза к небольшому электронному табло в передней части салона он понял, что находится в 8-м вагоне. Далее виднелась информация: «Ориентировочное время прибытия в Орёл – 21:34». Через два часа то есть. Он понятия не имел, зачем он вдруг едет в Орёл. На сидении, на котором он спал, лежала зимняя синяя дублёнка и старый, но очень любимый вязаный шарф, который давно бы следовало выки-

нуть. 28-е сентября, Центральная Россия, зимняя одежда? Что же с ним произошло? Куда он едет? Или откуда бежит?

В кармане был обнаружен железнодорожный билет, весьма мятый и затёртый. Его имя с номером паспорта, пункт отправления – Москва Курская, 28-е сентября, 16:54. Пункт прибытия – Авыр-Ин-Чзу, 29-е сентября, 05:12. То есть через девять с половиной часов. Ему, разумеется, был присущ топографический кретинизм, как и большинству погруженных в себя индивидуалистов, но основные крупные города России, стран постсоветского пространства, чуть хуже – Европы, он знал. Также имел понятие о типологии названий населённых пунктов в зависимости от национально-родового признака. Про Авыр-Ин-Чзу он бы сказал в первом приближении, как о чём-то китайском, хотя совсем не знал китайского, так что, скорее всего, заблуждался на этот счёт. Итак, 12 часов на поезде из Москвы на юг – это должно быть что-то типа Воронежской, Ростовской областей, или какой-нибудь Харьков на Украине, даже скорее Харьков, если я еду из Москвы через Орёл. Представляя карту железных дорог, он мог с уверенностью предположить, что там должны быть потом Курск и Белгород. Но вот никакого Авыр-Ин-Чзу он ранее на картах не встречал, и как-то оно не совсем к месту. Хотя может это какое-нибудь маленькое поселение на малороссийских просторах? Поселение какого-нибудь монгольского нацменьшинства, к примеру. Но раз там останавливается поезд дальнего следования, не такое уж оно и ма-

ленькое. Странно, он подумал – при нем совсем не было багажа. Он продолжил изучение билета – такой маленький обрывок, а сколько информации. Почти нанотехнологии. Далее: «Тип вагона – купе, вагон номер 14, место 17». Он был, судя по информационному табло в восьмом вагоне, спал на местах 3–4, и это было явно не купе в классическом понимании его. Итак, почему зимняя одежда (он в неё не влезал раньше середины ноября), в какой такой Авыр-Ин-Чзу он едет и почему проснулся в восьмом, а не в четырнадцатом вагоне? «Не забывайте тёплую одежду» – вспомнились откуда-то ему фраза, а также произносящий её голос, словно из динамика. И звук удаляющихся от него каблуков. На миг ему показалось, что он на самом деле едет в четырнадцатом, а Он, который здесь – это вовсе не он, но тут же эта мысль была отменена за несостоятельностью. И тут он обнаружил инструкцию. Неприметный листок А8, со следами сложенности вдвое, лежал на полу:

«Инструкция № 1.

- 1. Спроси у крысы, где её хвост.*
- 2. Отправляйся туда, где тебя могут ждать.*
- 3. После купе со стеклянным полом время пойдёт быстрее.*

Патриция.»

Он решил выйти в коридор, почему-то определив, что за ширмой справа должен быть именно коридор. Шириной

сантиметров в 70 длинный коридор вдоль вагона. Окон по этой стороне было меньше, чем в салоне, всего где-то 4 или 5. Коридор не освещался, точнее он освещался тусклым закатным светом из окон, зашторенных традиционными ширпотребовскими занавесочками, на которых ярко выделялась блямба из трех букв. Напечатку можно было бегло прочитать и как *rig* латиницей и как *рід* старокириллическим письмом. Лишь взглядевшись, и задействовав весь запас абстрактного мышления, можно было разобрать логотип РЖД. Сам коридор был отделан тёмно-синим ворсистым материалом, как и в салоне. Тут он задел правой ногой какой-то лёгкий предмет. Поднял его. Это был фонарик. Весьма кстати.

Он подошёл к окну и отдёрнул занавеску. Мимо проплывало грязное болотце, а за ним наверх уходило бесконечной поле с парой чахлах кустиков. Практически окончательно стемнело. Сам по себе вдруг включился тусклый, очень приглушенный свет. Он сочился откуда-то с потолка, из мини-лампочек размером с гирляндные, располагающихся в складках задрапированного материала на стыке потолка и стен. Ему сразу пришла ассоциация с *chill-out zone* какого-нибудь клуба и подумалось, что вокруг не хватает больших кожаных кресел-подушек, набитых шариками, как в тех же клубах или в одном из московских кинотеатров (до сих пор вспоминается ему брезгливость, с которой садишься на них, так как какой-нибудь подросток перед тобой обязательно задерёт на аналогичные тюфяки свои грязные кеды). Свет

был настолько тускло-жёлтым, что на уровне потолка и головы было что-то видно, а вот ниже – ничего.

Он вдруг задумался: а куда идти (что идти куда-то нужно, он был уверен). Инструкция на этот счёт рекомендовала идти туда, где ждут, или всего лишь могут ждать. Первой мыслью было двинуться к голове состава, лучше сразу к машинистам, чтобы порасспросить их о странном Авыр-Ин-Чзу (интересно, как назвать жителей этого поселения – авырынцзунцы? И потом странная мысль: «А вдруг я тоже авырынчзунец?») А потом ещё хуже: «А вдруг пока ещё нет, но скоро стану им?»). И всё же он решил, что гораздо полезнее добраться до своего места, до вагона № 14 то есть, может он едет не один, а с кем-то, и тогда-то там его действительно ждут, и, возможно, всё объяснят. И он был почти уверен, что едет не один. Но память отшибло напрочь. Хотя и на объяснения, он не очень то рассчитывал. Вокруг существовало множество людей, предлагающих своё объяснение мира, и все претендуют на истинность и эксклюзивность, скорее лишь ещё более всё запутывая. Он направился к четырнадцатому вагону, включив фонарик. Посреди коридора на телефон пришло сообщение, и он остановился прочитать его (хотя обычно в таких случаях не останавливался, не считая операции с телефоном помехой делу). SMS от незнакомого абонента с кодом 916 гласило: «Три тополя, раскачиваясь, проходят мимо, это конец Твоей жизни, начало обрыва, это начало отгадки, как ключ серебряный непостижимости

в сундук старинный». Незнакомый номер. Без подписи. Сохранив сообщение, он направился дальше, подсвечивая пол фонариком (также достаточно тусклым, надо признаться). У последнего окна на полу лежало нечто... Это нечто показалось ему чем-то животного происхождения. Он взял ЭТО в руки. Сантиметров шестьдесят в длину, покрытое каким-то ворсом, утолщающееся к основанию, оно напоминало хвост гигантской крысы. Основание – да, что-то вроде переломанного позвонка и тёмно-бордовой запёкшейся жидкости, похожей на кровь. «Спроси у крысы, где её хвост». Хвост найден – скоро придёт и крыса. Больше ничего и никого в вагоне № 8 не было (хотя он не смотрел за ширмой позади салона, но с чего бы ему там что-то смотреть?). На электронном табло над выходом в тамбур было написано: «Ориентировочное время прибытия в Калугу – 21:34». Так куда же едет этот поезд? Он отбросил хвост в сторону и взгляделся в окно. На горизонте виднелось несколько огней какой-то деревушки.

Из Дневника. Часть 2

27-е апреля, 23:15

Я уже успел слетать на пару дней в Рим и Флоренцию, как всегда, наснимал много неформата, в этот раз снимал на плёнку, которую сегодня отдал в проявку. По прилёту в Рим мне позвонил Рома, сказал, что видел мои фотоработы у Лёши в офисе и, если это мне интересно, может выделить мне половину зала на неделю. Только условие – снимать на чёрно-белую плёнку. Даже с учётом надиктованных условий, мне это, разумеется, было интересно, т. к. мне предложили первый раз вот так вот, по-взрослому, поучаствовать, аж на ползала. Час потратил, чтобы купить в Риме плёночный фотоаппарат и ещё полдня, чтобы научиться им пользоваться. Но вроде всё удалось. Интуиция водила меня по неизбитым местам, сами собой находились жанровые сценки, натюрморты и совершенно неземные урбанистические пейзажи, залитые фантастическим светом. Иногда приходилось вынырнуть из наваждения, чтобы вспомнить, что все вокруг – это не творение марсиан, сгинувших три миллиона лет назад, а всего лишь шедевры архитектуры с пятисотлетней историей. Да, какая-то жалкая половинка тысячелетия, а все даты и имена безнадежно спутаны, а истина утрачена под налётом легенд и баек. Флоренция вообще оказалась ше-

девральной.

Во Флоренции познакомился с ресторатором одним, предложил ему в Москве открыть филиал, тем более, что в Питере у него уже был, но в Москве питерский формат бы не прошёл. Мы договорились, что я найду соинвестора, а помещение у меня одно уже было на примете. Прямо напротив «Алой Розы» загибалась кофейня, уверен, что у них были проблемы с оплатой аренды, так что владельца зала уговорить – быстрое дело. Кроме того, один мой приятель давно без приличной работы, был неприятный инцидент и теперь его никуда не берут, а как управляющий он отменный. Вот и его трудоустроим. И самое главное – теперь у моей кошки будет более широкий ассортимент на ужин.

Сегодня встречался со своей старой интернетовской подругой. У неё очень красивое имя – Ярослава, Слава for short. Мы познакомились ещё лет пять назад на каком-то сайте про секс, но сексом так ни разу и не занимались. Два года вялотекуще переписывались, потом встретились и стали общаться с периодичностью раз в несколько месяцев. Про неё я знал, что у неё три высших образования – экономика, дизайн и гештальт-психотерапия, что она не работает ни по одному из них, живёт на окраине Москвы с какой-то девочкой и разводит кошек с острыми ушами. У нее их было, наверное, около пятнадцати. В двухкомнатной квартире. Они повсюду срали, поэтому от приглашений на дни рождения я отмазывался, просто отправляя цветы.

Мы встретились в Ботаническом саду. Когда-то я любил кататься здесь на велосипеде, а теперь мне уже лень. Слава была, как всегда, в каких-то вязаных одеждах, которые она делает себе сама, а излишки как-то продаёт через свой сайт. Ещё через её сайт можно было купить дизайнерские резиновые сапоги, которые стоили ровно в два раза дешевле, чем в бутике у этого дизайнера. Не знаю, как ей это удаётся. Причём она не гнушалась сама постоять около этого бутика и пораздавать всем выходящим оттуда флаера с изображением тех же сапог, что и в витрине, с указанием цены и сайта, где можно приобрести с доставкой на дом в тот же день. Обычно мы при встрече обмусоливали какую-то категорию или понятие. Сегодня она предложила разобраться с понятием «осложнение».

Мы долго сперва вычленяли его границы, в первую очередь, отделяя его от понятия «сложность». Я предлагал в качестве синонима «временная трудность», Слава оспаривала, что как правило, осложнение – это начало большой трудности. Я говорил, что она слишком драматизирует, она говорила, что я витаю в облаках и сам себя обманываю, что у меня всё в порядке внутри. Я ей отвечаю, что пусть обманываю, если мне от этого хорошо живётся, она говорит про какой-то гештальт, который нужно завершить, и тогда всё будет лучше некуда. Я начинаю критиковать корыстных психоаналитиков, которые придумывают пациенту проблему, а потом начинают от неё избавлять, высасывая деньги. Она говорит,

что раз пациент пришёл к психоаналитику, то он готов платить деньги и почему бы этим не воспользоваться, ибо если ему сказать, что он здоров, не взяв деньги, он будет чувствовать себя обманутым. В общем, встреча, как всегда, удалась.

Ну, всё, наполняется моя ванна, я забил уже кальян. Уплываю.

29-е апреля, 00:40

Сегодня, когда я обедал в «Алой Розе», позвонил босс, попросил срочно примчаться в офис, т. к. у него сидит какой-то немец – потенциальный клиент, который по-английски кое-как, а я один только говорю по-немецки. В офисе я был уже через 7 минут, даже не пришлось заходить домой переодеваться, так как я сегодня пошёл обедать не в домашних тапочках, а при параде, потому что собирался на одну презентацию заглянуть в поисках перспективных клиентов. Вообще, я старался искать их там, где искать их было бы наименее логично. На всяких выставках меховых салонов, автомобилей, на открытии очередного гольф-клуба и так далее. Ни одной профильной выставки по недвижимости я не посетил. Там всегда найдутся люди покрасноречивей, более известные, из международных брендовых компаний. И буду я, как белая ворона, щёлкать клювом. Да и объекты у нас, честно говоря, были совсем не люксовые. Скорее премиум– и бизнес-класс. Судя по последним тенденциям, мне стали вручать такие объекты, что и на «бизнес» они тянут только при

условии совсем уж откровенного вранья. Но, судя по всему, вместо выставки придётся заниматься туземцем. А раз клиент не мой – я получу только тридцать процентов от той ставки, если бы он был мой.

Хоть убейте, уже и не помню, как его зовут. Вообще-то, не помнить имена, в моей профессии роскошь непозволительная, но факт есть факт. Пусть будет Ганц. Съездили мы с ним на пару объектов с западной стороны Истринского водохранилища. Автомобилем рулил корпоративный водитель, так что у меня была возможность освежить немецкий, не отвлекаясь на прозу жизни. Этот товарищ – административный управляющий какого-то берлинского инвестфонда, открывал здесь офис, и хотел подыскать дом для СЕО, который непременно условием переезда в Россию поставил переезд с семьёй и обитание в доме подальше от этого неуютного мегаполиса. Ганц так и процитировал – «неуютный», вот она вам и хвалёная немецкая вежливость. И неудивительно, учитывая, что они сняли офис в строящейся башне «Зигмунд Фрейд» на территории Большого Сити, начали работать задолго до окончания отделочных работ в своём офисе, а в это время верхние этажи только достраиваются, вокруг сплошная стройплощадка и сносящаяся промзона, до парковки минут десять чапать по грязи. В Берлине я тоже навскидку могу назвать несколько мест, где бы уж я точно не стал снимать офис. Но Ганцу, разумеется, сказал совсем другое, что они первооткрыватели этого места, и всегда при-

ятней понимать, что до Тебя тут не ступала нога человека, что всё новое и чистое, не загаженное чужой энергетикой. Я плавно перекинул мостик к тому замечательному объекту, куда мы едем, оперируя прилагательными «новый, комфортный, сияющий, экологичный». Приходилось лить воду, поскольку этих объектов я и в глаза не видел (они были закреплены за моей коллегой), и описания «под сенью вековых сосен» или «засыпая под журчание воды» могли, мягко говоря, не соответствовать действительности. Мы посмотрели оба дома, они были и впрямь хороши, премиум-класс очевиден. Я на ходу сочинял легенды об исторической значимости территории к западу от Истринского водохранилища, тут и великие сражения между нашими народами, и дача Генсека, и аномальную зону придумал в пятнадцати километрах для контраста. Ганцу больше понравился тот дом, который был ближе к выдуманной аномальной зоне, несмотря на то, что он был ближе также и к дороге и дальше от водохранилища. Он сказал, что через неделю сообщит о своём решении. Я сказал, что мы готовы держать дом неделю за невозвращаемый в случае отказа залог в 1 % от стоимости. Но сошлись на трёх днях без залога. А я тем временем не переставал задаваться вопросом, почему мне подсовывают не приличные дома, как Наташе, а всякую дрянь. А процент одинаков, хотя эти и стоят дороже, и продать их можно «левой ногой», даже не выезжая на объект, и отмазываясь незнанием немецкого.

А вечером я получил странное сообщение с неизвестного

мне московского номера МТС. Вот такое: «Три тополя, раскачиваясь, проходят мимо, это конец твоей жизни, начало обрыва, это начало отгадки, как ключ серебряный непостижимости в сундук старинный». Что это могло бы значить? Какая-то шарада? Мне абсолютно неинтересно было выяснять, кто это прислал, я не ответил и не перезвонил, да и что тут ответить. Но интрига осталась, и я сохранил сообщение в специальной папке, которую назвал «Неизведанное».

А завтра меня пригласили на вечеринку на барже-сухогрузе. Отмечаем день рождения неизвестного мне человека, близкого друга моего не очень близкого знакомого. Попросили создать массовку из приятных людей, ожидалась какая-то пресса, и я под этим соусом не преминул пригласить Рому, Алису и Кирилла, благо день был будний, и они оказались в Москве без чётких планов на вечер. Отплываем от причала «Печатники» в 22–00. Звучит многообещающе!

2-е мая, 02:28

Сию в подсобном помещении клуба «Indonesia» на каком-то ящике, никого не хочется видеть, настроение хорошее, пью мохито, второй коктейль. Хочу зафиксировать события этих дней.

Позавчера очень удачно всё-таки попал на второй день презентации (меховой салон), встретил одну старую знакомую там, она очень неплохо продвинулась за три года, что мы не виделись, как раз задумалась о покупке дома, так как

на втором месяце беременности, муж обеспечивает, а она хочет за город. Я прикинул, что на сумму, на которую она рассчитывает, ей вполне можно предложить тот дом в Николо-Черкизово (который предназначался финну, но, к счастью, не был сдан в аренду), если отжать застройщика по полной. Всегда можно найти изъяны в качестве строительства и доказать неудобство расположения. А для Инессы это будет вполне подходящим вариантом, прям я видел её уже в этом доме с десятком малышей, и обстановка будет в её вкусе, насколько я понимал. Прямо с презентации мы поехали на объект, дом ей понравился, особенно, что лес рядом, в общем, запросы у неё были немудрёные, что очень радовало. Расстались на том, что мне придётся добиться снижения цены на 6 % от первоначально заявленной, чтобы она вписалась в бюджет, а она поговорит с супругом и сообщит мне, как только, так сразу. Но скорее всего «да». Я пообещал, что подержу дом пару дней.

Настроение у меня пошло в гору, всё-таки уже три месяца без доходов. От предыдущей сделки деньги ещё остались, я калькулировал в уме – какой суммой я буду располагать в случае закрытия этой сделки. Потом решил, что при удачном исходе дела сам смогу выступить соинвестором проекта с ресторатором из Флоренции, если уговорить его разделить доли как 60 %/40 % с его доминирующим пакетом. Общую калькуляцию затрат на открытие и первые месяцы я примерно прикинул, а вечером того же дня встретил владель-

да помещения, где располагалась та кофейня, ужинающим в «Алой Розе» (он жил в этом же доме), когда пришёл за кошачьей едой и заказанным по телефону ужином «на вынос». Ужин был употреблён здесь же, сидя в креслах, к выбору которых я приложил руку. За эти полчаса собственник (Василий, грузный неэстетичный мужчина) сначала аккуратно, а потом раздосадовано признавался в том, что арендатор плату задерживает за два месяца, выгнать жалко без расчёта, но у них там ни договоров, ничего нет, типа знакомые рекомендовали, так что деньги вряд ли получится выбить. Я для пущей важности поболтал с хозяином ресторана, когда тот вышел в зал, потом рассказал Василию, что являюсь промоутером «Indonesia» (чего, разумеется, и в помине нет), рассказал, как мы там начинали, и что сейчас рентабельность составляет 250 % (кстати, это правда, Адам хвастался), что через месяц открываем с самым известным ресторатором Италии (что тоже сомнительно), наконец-то, первый ресторан в Москве, что очередь уже выстроилась на неделю вперёд, узнав про это, уже все разрешительные документы оформлены (и не начинали), осталось дело за малым – найти подходящее место. Что, в принципе, проблем с помещениями в Москве нет (ха-ха!), к тому же имя ресторана, уже много предложений и прочее. Но мы, тем не менее, готовы рассматривать ещё варианты, а мне даже удобнее будет ваше место, поскольку живу рядом, и смогу всегда всё контролировать. Ранее я выведал у владельца «Алой розы» сумму арендной

ставки, по которой Василий сдаёт помещение кофейне. К слову, она была неоправданно мала, и я без какого-то ущерба назвал большую на 15 %, как ту, которую мы готовы предложить. В общем, арендодатель растаял душой, и я чувствовал, что дело в шляпе. Вечером я набрал итальянца, сказал, что незачем нам впутывать сторонних людей, вложиться смогу сам, он согласился предварительно на 60/40, и я порекомендовал ему лететь в Москву через пару недель, чтобы всё осмотреть, обсудить и окончательно прокалькулировать, пообещав, что займусь приглашением и забронирую гостиницу. А чтобы он там не бездельничал, назвал габариты помещения и предложил пока заняться вопросом мебели, раз уж он рядом с фабриками. Как всегда, я разделил неубитую тушу, ведь никакой дом ещё не продан, а если Инесса и согласится, то не факт, что через пару недель деньги уже будут у меня. Но это было как раз в моём стиле, начать с конца. Иногда срabатывает.

На барже вечером была, как я называю, «средняя степень весёлости», это когда каждый себя развлекает, как может, а кто не может – жмётся по углам или напивается. Мы общались, в основном, вчетвером. Именинник оказался принципиальным, и отплыл ровно в 10, так что с берега мы слышали недовольные голоса задержавшихся на пять минут, а их было немало, в том числе, кажется, и представители прессы. Ну, так им и надо. Мне пришлось сказать какой-то тост от нас четверых, как всегда, получилось коряво, потому что

не умею я перед аудиторией свыше десяти человек. Подарок придумала Алиса, очень оригинальный, но пока писать я не буду, что именно он собой представляет, думаю повторить эту идею когда-нибудь, где не будет общих знакомых, и тогда идея будет приписана мне.

В два ночи мы уже лежали вчетвером в моей большой ванной, которая располагалась в помещении на месте прежней кухни, с сигарами и смотрели на звёзды, которые из-за неисправности освещения в переулке были в тот день хорошо видны.

Вчера ничего не делал, в смысле, находился дома. Решил написать роман, давно были потуги, но всегда начинал писать и через десяток страниц забрасывал. Пробовал вернуться – но уже годовалые записи казались примитивом. Может, в этот раз получится. Хватило ровно на четыре страницы, хотя их я писал и с интересом, но постоянно отвлекался, в итоге, писал почти весь день. Вечером заехал Лёша перед своим ежедневным вояжем по клубам, но мне так не хотелось никуда ехать и отвлекаться от романа, что я выпил с ним шампанского и поскорей его выпроводил. Правда, потом сразу же уснул.

Утром проснулся поздно и снова ничего не делал. Первомай, можно отдыхать. Внутренний голос: отдыхать от жизни? Но я его не слушал. Позвонил немец (а отмечают ли они Первомай?), сказал, что нашёл вариант лучше и дешевле, и к аномальной зоне ещё ближе. Я пожелал ему счастья, и все-

гда к вашим услугам. Это меня, признаться, расстроило. Теперь я влез в авантюру с рестораном с неприкрытыми тылами, и это ещё большой вопрос, найду ли я инвестора, если у меня не будет денег. Я вообще не был известен в ресторанном мире, как мне самому хотелось казаться, для банков это надо писать долгие и муторные бизнес-планы, так что сумму в несколько миллионов мне мог никто и не дать. А людей подводить я очень не привык. Тем более, идя в «Алую розу», я заметил, что кофейня так и не открывалась и внутри нет света, значит Василий, скорее всего, уже порвал с ними отношения. Да и итальянец звонил уже два раза, спрашивал, какая мебель в Москве актуальна. Я вспомнил пару аналогов, но то, что там стоит, откровенно говоря, убожество. Сказал, что пусть заказывает то, в чём удобно сидеть, а не то, что вычурно выглядит. Потом я позвонил своему приятелю-управляющему, да, он так и сидел без работы, совсем уже горевал, обрадовал его предложением, договорились о зарплате, сроках и штате персонала, оставил ему телефон итальянца, пусть готовится, ему же работать, а меня не трогайте.

Написал ещё пару страниц, покормил кошку, приехал сюда, поужинал, теперь вот сижу в подсобке. В зале сегодня аншлаг. Только я решил туда выйти, поискать знакомых, как органайзер напомнил мне относительно «Клуба молчащих людей» на Союзном проспекте. Завтра я решил непременно наведаться туда, узнать, что к чему.

3-е мая, 04:15

Первая половина дня прошла как-то тухло, пересматривал старые французские фильмы, которые сегодня, откровенно, не шли. Вчера после «Indonesia» мы поехали куда-то ещё, в результате, я напился, и было весьма хреново. Так что добраться до карты и посмотреть, где находится Союзный проспект я смог только в семь вечера. Это где-то в Новогиреево, кругом, наверное, пробки, так что я решил поехать туда на метро. Сам проспект и на проспект-то был не похож, больше на переулок. К дому 8б я подобрался, когда на часах было 20:34. Типичная неприглядная серая шестнадцатизэтажная башня, возвышающаяся над белыми сдвоенными домами пониже. Нумерация квартир начиналась, видимо, с дома номер 8, состоящего из двух корпусов, дом 8а – это был детский сад, а в доме 8б, находившемся в глубине двора, первая квартира была 121-я. Значит, 134-я на втором этаже. Я проник в подъезд, когда какая-то тётка выходила из него, поздоровался с консьержкой, прошёл мимо лифтовой площадки. Внизу стояли детские коляски, велосипеды и какой-то мотороллер, пахло бензином и чем-то жареным. На первом этаже квартир не оказалось, значит мне на третий, туда я и поднялся на скрипучем лифте. Дверь в общий холл была открыта. На секунду меня одолело сомнение, зачем я туда иду и какое мне до этого дело, но любопытство взяло верх. В торце была квартира 135, оттуда доносилась хаус-музыка (я сразу узнал этот микс – DJ Brightside, он играл на

барже), 134-я была слева. Дверь была приоткрыта, и тонкая полоска света виднелась где-то внутри. Я стал медленно открывать дверь, в это время в 135-й квартире кто-то заковырял ключом в замке, я быстро вошёл и закрыл дверь за собой.

Полоска света тянулась из-за неплотно прикрытой двери на кухню. Квартира была в плохом понимании слова «совковая», это больше чувствовалось по запаху, какому-то застою запаху. Также пахло дешёвыми сигаретами. Справа был проём в неосвещённую комнату, и далее ничего не было видно. Я подошёл к двери на кухню и приоткрыл её. Кухня была грязная и освещалась низко висящим с потолка плафоном с кучейдохлых насекомых внутри. На полу лужа тёмной крови. В раковине поверх грязной посуды – нож, обычный кухонный нож, тоже как будто окровавленный, но не настолько, как это показывают в фильмах, а так, чуть-чуть. Мне совсем не было страшно, скорее наоборот. Я ощущал себя каким-то шпионом, выполняющим задание государственной важности, за выполнение которого меня потом будут чествовать перед всей страной по главному государственному телеканалу, а ещё через год я буду сниматься в рекламе какого-нибудь кетчупа или зубной пасты, и горя не знать. Под столом валялся российский паспорт, который я аккуратно взял тряпкой (не имю понятия, остаются ли отпечатки на бумаге), выписанный на Медведева Константина Григорьевича, 1944 года рождения. Адрес прописки: Ленинградское шоссе, 346а, район Молжаниновский. Не успел я

положить паспорт на место, как ощутил какое-то движение в квартире. В дальней комнате зажётся свет, та, что теперь была слева от меня, оказалось проходной. Ничего не происходило, никто из дальней комнаты не выходил. Я аккуратно заглянул в неосвещённую комнату – в ней творился бардак, ящики все вывернуты, вещи раскиданы по полу, как в сериалах про истерические семейные сцены. В ней никого не было. Из дальней комнаты донёсся звук дискового телефона. Набирали номер. Я разумно рассудил, что телефон стационарный, кроме того, из темноты меня видно не будет, и сделал несколько шагов по направлению к освещённой комнате, куда тоже вёл просто проём без двери, пытаясь ничего не задеть. Комната была маленькая и почти всё пространство занимала широкая кровать. Спиной ко мне сидела седая старуха со сбившимися волосами. На кровати, ближе ко мне, лицом кверху, лежал мужчина лет 60-ти, рубашка в районе живота у него была вся в крови, непонятно, жив он был или нет. Старуха скрипучим голосом произнесла в трубку: «Сеанс окончен. Приезжай». Потом она сделала движение, как будто собиралась встать, и я решил, что пора делать ноги. По пути в коридор я всё же умудрился зацепить какой-то горшок, который предательски зазвенел. Старуха меня разглядеть не успела, так как только встала с кровати, а здесь было темно. Я подлетел к двери и – вот, чёрт! – она оказалась захлопнута. Я судорожно искал замки, но, слава стандартным планировкам и мышлению, открыть дверь удалось

очень просто. Поняв, что у меня есть ещё с десяток секунд или больше, я посмотрел, нет ли кого в общем коридоре, протёр рукавом всё, к чему мог прикоснуться и быстро проследовал к лифтам. Лифт приехал не сразу, но погони никакой не было. Выходя из дома, уже во дворе, я почувствовал, что она смотрит на меня из крайнего окна третьего этажа. Свет там снова бал выключен, но я прекрасно различил её силуэт и поспешил скрыться по тропинке за гаражами.

Состояние, признаться, у меня было странное. Я всё-таки ожидал чего-то другого, думал, что это будет что-то типа клуба по интересам. А что было там, я так и не понял. Но у меня совсем не было ощущения, что я куда-то вляпался. Мне скорее казалось, что это теперь просто часть моей жизни, такая же важная, как и другие. Я дошёл до ближайшего кинотеатра, там оказалось интернет-кафе, заказал большую чашку кофе и попытался выяснить что-то о «Клубе молчащих людей». Яндекс мне ничем не помог в рунете, Google что-то выдавал в англоязычной интерпретации, но всё это мне казалось не относящимся ни к Москве, ни к какому-то роду занятий, ни к секте.

Я окончательно смирился, позвонил Кириллу, он был дома не занят. Выходя из здания кинотеатра, собираясь поймать машину и отправиться к Кириллу на Преображенскую площадь, я заметил прыщавого подростка, мчащегося наперерез мне на скейте. Он резко и с шумом затормозил передо мной и протянул мне запечатанный белый конверт. По-

сколько машина уже остановилась, я запихал конверт в карман куртки и уехал.

Поезд. Эпизод 2

Глядя в это окно, он перенёсся в детство. Когда-то он смотрел на такие проносящиеся поезда с такого же маленького полустанка в Архангельской области. Он прожил там почти полгода у одной бездетной женщины. Как-то дождливой ночью, ему было лет семь тогда, он познакомился с ровесниками, и они стали каждый вечер ходить в Лосино-островский парк строить землянки. Поскольку у него редко складывались отношения со сверстниками, он с интересом наблюдал за их жизнью, и учился общаться таким образом, хотя некоторые их интересы казались ему странными. В тот вечер они ушли достаточно далеко – к бывшей платформе Белокаменная на Малом московском железнодорожном кольце. В том месте рядами стояли гружёные товарные составы, вагоны сцепляли и расцепляли, царило внешне хаотичное, но целеустремленное движение. Они забрались в один из вагонов...

Проснулся он один от равномерного стука колёс. Внутри было темно, дверь была заперта. Ехал он очень долго, наверное, сутки, хотя ему казалось, что несколько лет. Он не плакал. Он то смотрел в пустоту и слушал перестук колёс, то спал. Часто поезд останавливался и стоял по нескольку часов, но он не пытался привлечь к себе внимание. Сквозь щели вагона на него сперва смотрела ночь, затем день, потом

снова стало темно.

Когда во второй раз начался день, дверь была снова распахнута. Солнце всходило над всхолмленным, уходящим вверх лугом, который весь блестел от росы. Он выскочил из деревянного вагона и побежал через этот луг. И первый раз за последние дни он заплакал. Заплакал от какой-то странной радости, и страха, и свободы одновременно. Он, уже будучи взрослым, часто вспоминал то ощущение, и часто оно приходило ему на помощь в моменты осознания своей бессмысленности в мире.

С ним заговорила проходящая мимо женщина, выгонявшая корову на пастбище. За пригорком был разрушенный монастырь, а за ним – небольшое село, где из двадцати домов только три были жилыми. В одном из них обитала она, вместе с коровой, собакой и своим престарелым отцом, который и летом, и зимой лежал на печи, лишь изредка спускаясь. Почты в селе не было, продуктовая автолавка приезжала раз в неделю, женщина сперва хотела сообщить о нём, но потом как-то каждый раз не решалась, да так и не сообщила. Женщина эта (он, даже будучи маленьким, не смог не заметить такой странности), очень увлекалась фотографией. Она брала с собой огромный плёночный агрегат, куда бы ни направлялась – и в лес, и в церковь, и когда шла доить корову в поле. Было странно видеть, как она возвращалась с тяжёлым подойником, заботливо повязанным чистойшей застиранной до полупрозрачного состояния детской ситцевой

пеленкой и фотоаппаратом, заброшенным за спину на манер переметной сумы. Похоже, именно этим аппаратом он сделал свои первые снимки.

Как только наступал вечер, он брал фонарь и шёл к железной дороге. Он ожидал снова увидеть ждущий его деревянный открытый вагон товарного состава, но составы здесь больше не останавливались. Он иногда скучал по большому городу, по людям, по первым приятелям, с которыми строил землянки. В одно и то же время каждый вечер мимо проносились два поезда, полные людей внутри. Иногда ему представлялось, что он тоже там, среди этих людей в поезде, смотрит на себя, стоящего на этом лугу, из купе. Номер этого купе теперь указан в билете, лежащем в его кармане.

Ширма в тамбур, почти портьеры – он никогда не понимал, читая в старых переведённых детективах, что это значит – слово «портьеры», и лень было посмотреть в Интернет-словарь, но ему всегда представлялось – что это массивные шторы. Это были правда, массивные бархатные шторы, как и везде тут. Тамбур. Тамбур заплёванный и с бычками на полу. Естественно, он тут же обнаружил в себе детективный талант и обследовал все 13 найденных бычков. Все тринадцать остались от только появившихся сигарет «Проект 307». Судя по виду (характерный слом при тушении, одинаковый ореол никотина на фильтре – черная точка в центре и почти нетронутая белизна по краю) все 13 выкурил один и тот же чело-

век. Заядлый курильщик с большим желудком. Во всяком случае, кто-то давно доказывал ему, что такой рисунок никотина на фильтре – симптом болезни желудка у курящего.

Он проследовал в вагон № 9. Здесь было ярко, как в купе, в котором он проснулся. В этом вагоне кресла располагались по три с каждой стороны от прохода, такие же сине-бархатные, что сразу же напомнило ему салон самолёта, только окна – обычные поездные и совсем без занавесок. Он испытал странное чувство, что за ним подглядывают. Оттуда – из мира за окнами, полного темноты и неопределённости. Здесь же была абсолютная определённость – он едет в Орёл, ну, или в Калугу. В этом вагоне тоже не было ни единой души. Только разбросанные повсюду листы газеты «Советский спорт».

Он прилёг на тройное сиденье и поднял первую попавшуюся страницу. Там был рассказ о какой-то ярмарке – *millionaire fair*, вроде бы. Он перевернул страницу и обозрел фото старой женщины с подписью «Ясновидящая Клавдия Ивановна». Собственно, всё до примитивизма просто. Интервью со старухой – ей 102 года – слепой абсолютно, о том, что она знает об этом мире. Причём интересная концовка: «Я люблю некоторую отстранённость и недосказанность. Я там, где я нужна. Вам не стоит труда позвать меня. Но я не скажу Вам правильный ответ. Я дам вам заведомо неправильный, Вы проклянёте меня и доберётесь до истины. Я пожертвую собой ради Вашей истины, ибо я бессмертна». За-

мечательно! Очередная бессмертная инстиннооткрывательница. «Уж если представится мне случай дожить до таких седин, пожалуй, не стану заниматься такой ерундой» – подумал он.

Оставив газету на кресле, он продолжил движение по маршруту. Телефон показывал 19:52. Тут же он получил SMS со старого доброго номера: «Тёплый снег течёт по телу, Осень замораживает мысли и чувства, Память теперь фрагментарна и помнит только то, чего не было//» Свет погас. Ему всё это было определённно интересно.

Он смотрел в окно. В последнее окно вагона справа. Поезд тихо грохотал по мосту над какой-то средних размеров рекой. Оку, по идее, проехали, а что там идёт дальше, он понятия не имел. Но вид был замечательный. Ощущение воды, интуитивно видимой внизу. Река показалась ему водоворотом событий, которых не было. Водоворот событий отенялся бездеятельностью, в которой он пребывал. Бездеятельность была приятной, ибо последнее, что он помнил из прошлой жизни было то, что они с приятелем ехали на какую-то презентацию. Он ехал на переднем пассажирском сидении, пристёгнутым, задрав правую ногу на кресло. При этом просматривал какой-то журнал и подпевал играющей музыке. Что-то случилось на Рижской эстакаде.

У него было прекрасное настроение, как и всегда, когда он неожиданно оказывался один. Ему было не важно, куда он едет, потому как впереди – бесконечная вечность. Просто

супер, думал он, что, закрывая глаза, не хочется оказаться нигде ещё, кроме как здесь. О-т-д-ы-х! От чего? От мечты, от осознания того, что не нужно ничего достигать и никуда стремиться. Может быть, второй раз в этой жизни, после того луга, в этом поезде ему суждено было прочувствовать момент «здесьсейчас».

Следующий тамбур, проход между вагонами, и новый тамбур с красивой клубной пепельницей на высокой ножке встречает его. Он в вагоне № 10. Это обычный купейный вагон, вызывающий и отвращение, и легкий налёт счастья одновременно. Все купе открыты, кроме одного. Он, естественно, идёт к закрытому, и стучится туда. Тишина. Он берётся за ручку и открывает дверь. Первый человек, которого он встречает в поезде – хорошая его подруга Женя (хотя ему часто казалось, что ей подошло бы другое имя). На столе – бутылка одного из её любимых односолодовых виски, два стакана а-ля рокс и банка солёных огурцов. На сидении рядом с ней – огромных размеров клетка. В ней сидит громадная ручная крыса. На крысе – Жениного пошива большая вязаная шапка. Дверца клетки открыта, кроме того, у крысы нет хвоста, но она даже не пытается выскочить, чтобы поискать его...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.